

В.И.Кулаков

ДЕКАПИТАЦИЯ И ПРУССКИЕ ЖЕРТВЕННЫЕ ЧАШИ

Проблема происхождения и использования жертвенных чаш, упомянутых одним из местных краеведов в XVII в., обойдена вниманием археологов Балтии. Представленный в статье исторический экскурс представляет генезис идеи культовой чаши, первоначально изготавливавшейся из черепа человека, затем, лепившейся из глины, в раннем средневековье сменившейся бронзой. Семантику такого сферического вместилища жертвенного (?) напитка отражает скандинавская легенда о Мимире. Сходный тезис известен и в ведической традиции. Скорее всего, жители юго-восточной Балтии с эпохи неолита воспринимали свод человеческого черепа как некий аналог небесной тверди, посредством которого можно было установить связь между этим и Иным мирами. Культ человеческой головы предполагает не только развитое религиозное мышление, но и достаточно высокий уровень социальной организации общества, в котором такой культ функционирует. Следует особое внимание обратить на то, что население западной окраины балтского мира, традиционно известного консервативностью своих воззрений в различных сферах бытия, использовало в культовых целях сосуды полусферической формы (от теменной доли до чаши-kaszele) на протяжении трёх с половиной тысячелетий, причём — при разных социальных системах общества.

Ключевые слова: юго-восточная Балтия, неолит, железный век, средневековье, жертвенные чаши

Проблема происхождения и использования жертвенных чаш, упомянутых в качестве пережитка дохристианских верований пруссов одним из местных краеведов в XVII в. [1, с. 257, 258], обойдена вниманием археологов Балтии. Лишь автор этих строк в своей обобщающей монографии 2003 г. посвятил проблеме чаш-kaušėliai (kausz / šėlė — лит. «чаша») небольшую главу. Была прослежена связь этого непеременимого атрибута поздних прусских жертвоприношений с керамическими сосудами культуры западнобалтийских курганов раннего железного века. Кубки этой культуры и своей полусферической формой, и декором, покрывавшим поверхность сосуда, напоминали теменную кость человеческого черепа [2, с. 63]. Таким образом предполагалось, что человеческая голова как результат жертвенной декапитации подвергалась обработке (опиливанию) для неких церемониальных / культовых целей. В связи с этим была выдвинута гипотеза о связи свода человеческого черепа и сосудов, эту форму имитировавших, с небесным сводом, т.е. — Миром Богов и местопребыванием предков [2, с. 70]. Недавно появилась статья музейного сотрудника В.Г.Лушина, в которой собраны некоторые случаи использования теменных долей человеческих черепов в качестве культовых чаш у различных племён античной эпохи — от бойев до скифов [3, с. 5-11].

Когда мне удалось составить по данным каталога Рудольфа Гренца свод водных жертвоприношений на западной окраине балтского мира [4, р. 33-58], то выяснилось, что заметную часть этих жертвоприношений составляют именно кости свода черепа. Присовокупив к упомянутым находкам в водной стихии находки частей черепов на суше, получим следующий список:

Каталог находок человеческих черепов и теменных костей человека на западной окраине балтского мира (рис. 1)

1. Bauditten / Budwity, woj. warmińsko-mazurskie Polski. Череп со спиленной теменной частью был обнаружен в песчаном карьере и поступил в фонды Prussia-Museum [5, s. 553].

2. Widrinnen / Widryny, woj. warmińsko-mazurskie Polski. При раскопках был обнаружен деревянный «саркофаг» (домовина), в котором находился детский (судя по его параметрам) скелет дл. 1,2 м со спиленной теменной частью черепа (рис. 2). В 0,5 км от этого могильника, на могильнике Loszainen / Losajny, woj. warmińsko-mazurskie Polski была обнаружена железная пила дл. 32 см [6, s. 20] слабо изогнутой формы.

3. Hünenberg / Гора Великанов, г. Пионерский, Зеленоградский р-н. Н-224 — жертвенный объект в овальной в плане яме разм. 1,36 x 1,00 м, глуб. в предматерике 0,61 м. В южной части заполнения ямы под двумя крупными валунами обнаружен развал лепной чаши со спиленным после обжига венчиком. К юго-востоку от этого развала найден фрагмент орнаментированного сосуда типа Dollkeim [7, с. 175]. В северной части ямы, у её дна была, обнаружена спиленная часть черепной коробки без следов погребального костра. Согласно найденному в яме объекта фрагменту сосуда-приставки, комплекс Н-224 датируется сер. V в. н.э. [8, с. 232].

4. Gross Buchwalde / Bukwałd, woj. warmińsko-mazurskie Polski. Человеческий череп в заболоченной пойме р. Alle / Lawa найден вместе с топором из лопатки оленя. Четыре аналогичных топора были найдены в болоте поблизости. Раскопки на месте находки предприняты В.Герте (1935 г.). По палеоботаническому анализу, проведённому Г.Гроссом, находки датируются эпохой бронзы или ранним железным веком [9, с. 62].

5. Brassen / Astrawischken (Gr. Zedmar / Брюсово), Озерский р-н Калининградской обл. 10 теменных частей человеческих черепов без каких-либо иных костей найдены под свайным поселением на торфяниковой стоянке Zedmar / Серово А. Раскопки К.Штади (1906 г.). Данная находка отнесена к эпохе неолита [8, с. 63, 64].

6. Brassen / Astrawischken (Gr. Zedmar / Брюсово), Озерский р-н Калининградской обл. Под культурным

слоем с находками на торфяниковой стоянке Zedmar D найдены 4 человеческие теменные кости, не сопровождаемые иными костями. Раскопки К.Штади (до 1914 г.). Данная находка отнесена к эпохе неолита [8, s. 64].

7. Thuren / Мареевка, Гусевский р-н Калининградской обл. Человеческий череп, найденный в болоте в 1935 г. [8, s. 64] без чёткой датировки.

8. Norkitten / Междуречье, Черняховский р-н Калининградской обл. На пороге (шлюзе ?) р. Pregel / Преголи (или р. Auxinne / Голубая ?) выкопан человеческий череп в 1935 г. [8, s. 65] без чёткой датировки.

9. Sulimmen / Sulimy, woj. warmińsko-mazurskie Polski. В торфяном болоте обнаружен человеческий череп в 1897 г. [8, s. 66] без чёткой датировки.

10. Lokau / Tłokowo, woj. warmińsko-mazurskie Polski. Фрагмент человеческого черепа, глиняная бусина (пряслище ?) и два обломка кремнёвого ножа обнаружены в болоте в 1883—1884 гг. [8, s. 69].

11. Plößen / Plešno, woj. Warmińsko-Mazurskie Polski. Теменная кость взрослого человека и лобная кость ребёнка обнаружены в болоте при раскопках в 1925—1926 гг. [8, s. 69].

12. Jentkutkampen / Садовое, Нестеровский р-н Калининградской обл. Несколько человеческих черепов и каменный топор-молот найдены при земляных работах до 1914 г. в болотном урочище Tīrnalisbruch [8, s. 69].

13. Wehlau / Знаменск (бывш. пос. Хлебниково), Правдинский р-н. В болотистом берегу р. Alle-Лава, при проведении дренажных работ на заторфованном лугу на глубине 4—5 шагов были обнаружены три человеческих черепа, располагавшихся лицами вниз. На одном из черепов находился кусок сосновой коры шириной 5 см [8, s. 7].

Из 13 пунктов находок 6 пунктов содержали находки одного или нескольких человеческих черепов (исключительно — в водной среде, в ряде случаев к Новейшему времени заболоченной). Принесение племенным богам человеческих голов известно в кельтской и германской традициях эпохи римского влияния. «...Уже в позднелатинское время памятники культового характера в различных регионах кельтского мира неопровержимо свидетельствуют о сакрализации кельтами человеческой (точнее — мужской) головы как вместилища души и, возможно, объекта магических действий» [10, с. 204]. Данные археологических исследований позволяют сделать вывод о том, что «во многих культурах, исторических и современных, <...> существовало представление о том, что голова является вместилищем неких экстраординарных сил и поэтому требует особого к себе отношения» [11, с. 214]. От германцев, воспринявших традицию сакрализации черепа от кельтов, обычай принесения мужских голов в жертву переняли и западные славяне, сохранявшие этот обычай вплоть до эпохи христианизации [5, s. 531-554]. Таким образом, находки жертвенных черепов (такой характер комплексов с черепами засвидетельствован условиями их обнаружения (ср. кат. № 13)), встреченные в бассейне р. Pregel / Преголя в её верхнем течении и относимые предварительно (ср. кат. № 12) к эпохам неолита, поздней бронзы — раннего железа, показывают реализацию у одной из групп западнобалтского общества традиций, известных у различных племён древней Евразии. Как показывает один из рельефов Гнезненских врат, миссионеру Пруссии аборигены отсекли главу и выставили её на всеобщее обозрение, воздвигнув её на шест. Как считала И.Карвасиньска и вслед за ней автор этих строк, Св. Войцех-Адальберт был принесён пруссами в жертву отеческим богам [12, с. 42]. Таким образом обитатели западной границы балтского мира продолжали жертвовать головы своих пленников ещё в кон. X в.

Находки теменных костей, безусловно имеющие исключительно жертвенное значение, не столь многочисленны на территории совр. Восточной Германии. Рудольф Гренц отметил их лишь на раннесредневековом славянском селище у городища Alt-Caarz (Mecklenburg), в «поселенческой яме» (котлован землянки ?) в госпитальном песчаном карьере в Prenzlau и на Домском острове в г. Brandenburg, а также у шлюза Spandau на славянском селище в Grunewald (Brandenburg) [5, s. 553, 554].

В отличие от восточногерманских находок, разбросанных на территориях двух совр. федеральных земель Германии, находки теменных костей на территории исторической Пруссии, сделанные преимущественно в водной / болотной среде, сосредоточены в двух незначительных по своим площадям скоплениях: локальные участки территорий в бассейнах рек Alle / Łyna / Лавы и Angerap / Анграпы (**рис. 1**). Фрагменты теменных долей, встреченные в комплексах эпохи неолита (см. кат. №№ 5, 6, 10), отделены от остального черепа довольно грубо (**рис. 2**: 1, 2), быть может, даже без каких-либо инструментов. В первой пол. I тысячел. н.э. (кат. №№ 1—3) теменная часть черепа удалялась довольно аккуратно, очевидно — при помощи пилы. Как показывает находка нижней части черепа из Widrinnen / Widryny (**рис. 2**: 3), теменная доля его спиливалась пилой минимум в два (а то и в три) приёма. Из детского труположения на могильнике Widrinnen / Widryny спиленная теменная часть по неизвестной причине удалена не была (**рис. 3**). Вальтер Гронау, опираясь на данные археологии, сделал вывод о высоком уровне хирургических знаний у эстиев, который позволял делать описанную выше своеобразную «трепанацию» черепа [6, s. 20]. Современные польские исследователи видят в находках на территории исторической Галиндии хирургических инструментов, пригодных для распила черепа, свидетельство влияния хирургии римлян [13, p. 91].

В раннем железном веке носители традиций западнобалтийских курганов (на Самбии, на берегу Вислинского / Калининградского залива и в меньшей степени в окрестностях Мазурского Поозерья) стали заменять использовать в культовых целях кубки полусферической формы, покрывавшиеся прорезным декором, имитировавшим швы между костями черепа (**рис. 4**). Такие сосуды служили крышками урн и одновременно, не исключено, вместилищами священных напитков [2, с. 70]. Видимо, носители местных культовых традиций

отказались (по причине внезапно возникшей гуманности ?) от декапитации человеческих голов и заменили их части керамическими моделями. Воспроизводя своим декором черепные швы и формой будучи подобны теменным долям черепа, такие крышки выполняли, очевидно, церемониальную (жертвенную) роль, сходную с их прототипами — теменными частями голов человеческих жертв, использовавшихся местными жителями ещё с эпохи неолита. Обнаружение в погр. Н-224 могильника Hünenberg / Гора Великанов теменной кости вместе с чашей (кстати — тоже со спиленной верхней частью), напоминающей и по своим размерам, и по форме теменную кость, указывает на придание эстиями севера Самбии двум указанным находкам одинакового культового значения как вместимости некой (очевидно — жертвенной) жидкости. Жители западной части Мазурского Поозерья, носители традиций ольштынской группы эпохи Великого переселения народов использовали чаши / кубки, по своей форме и параметрам напоминавшие теменные доли черепов. Две группы данных сосудов в западной части Мазурского Поозерья и в верховьях р. Angerap / Анграпа с юга граничат с ареалами распространения находок теменных долей II-I тыс. лет до н.э. (рис. 1).

Для того, чтобы устранить возможность тактильного контакта чашей / кубков Мазур с миром живых, эти сосуды сопровождалась полыми ножками (рис. 5: 1, 2). Для тех же целей самбийские плоские чаши позднеримского времени по своему венчику снабжались коническими выступами (рис. 5: 3), которые предохраняли пальцы адепта местного культа от ритуально недопустимого соприкосновения со стенками сосуда. Если культовые функции этих керамических форм не совсем ясны, то вопрос о применении сходных по форме бронзовых блюд раннесредневековыми сембами совершенно конкретен. Как показывают данные полевых исследований, члены дружинной организации Самбии в кон. X—XI вв. в таких сосудах приносили с погребального костра кальцинированные кости своих соплеменников и повергали их (вместе с сосудом, являвшимся фактически «временной урной») в верхний ярус могилы (рис. 6). В готландских трупосожжениях финала эпохи викингов бронзовые блюда также использовались как вместилища кальцинированных костей [14, р. 133].

В Новом времени, точнее — в эпоху Реформации, на фоне общей религиозной свободы, воцарившейся на земле пруссов, культовые традиции местного населения были графически зафиксированы. Нам известно, как выглядел общинный жрец-Wurshait (рис. 7: 1), который перед жертвоприношением держал в правой руке чашу-kaušelē, а левую руку воздел на главу жертвенного козла, которому предстояло наполнить чашу своей кровью и окропить ею верующих, участвующих в процессе жертвоприношения. Сходный обычай был зафиксирован также в Исландии эпохи викингов. В XVII в. свадебные жрецы-Schwalgones в «Прусской Литве» окропляли новобрачных из чаш-kaušeliai (рис. 7: 2) уже не жертвенной кровью, а пивом [2, с. 61, 62]. Примечательно использование здесь жрецом двух сферических ёмкостей. Этот феномен зафиксирован в объекте Н-224 могильника Hünenberg / Гора Великанов (кат. № 3) и на святилище фазы В в Oberdorla (Thüringen) [2, с. 66].

Представленный в статье исторический экскурс представляет генезис идеи культовой чаши, первоначально изготавливавшейся из черепа жертвенного (?) человека, затем, повторяя по форме и рисунку теменные доли, лепившиеся из глины, в раннем средневековье сменившейся бронзой. Семантику такого сферического вместилища жертвенного (?) напитка отражает скандинавская легенда о Мимире, в которой говорится: «...небом стал череп/холодного турса...» [15, с. 206]. Сходный тезис известен и в ведической традиции, где «...из расчленённого тела первочеловека Пуруши возникли ... элементы космоса (из пупа — воздух, из головы — небо...)» [16, с. 29]. Скорее всего, и жители юго-восточной Балтии с эпохи неолита воспринимали свод человеческого черепа как некий аналог небесной тверди, посредством которого можно было установить связь между этим и Иным мирами. У многих древних народов «социум соотносился с космосом, являлся его важнейшей частью» [17, с. 204]. Культ человеческой головы предполагает не только развитое религиозное мышление, но и достаточно высокий уровень социальной организации общества, в котором такой культ функционирует [18, р. 316, 317]. Следует особое внимание обратить на то, что население западной окраины балтского мира, традиционно известного консервативностью своих воззрений в различных сферах бытия, использовало в культовых целях сосуды полусферической формы (от теменной доли до чаши-kaušele) на протяжении трёх с половиной тысячелетий, причём — при разных социальных системах общества.

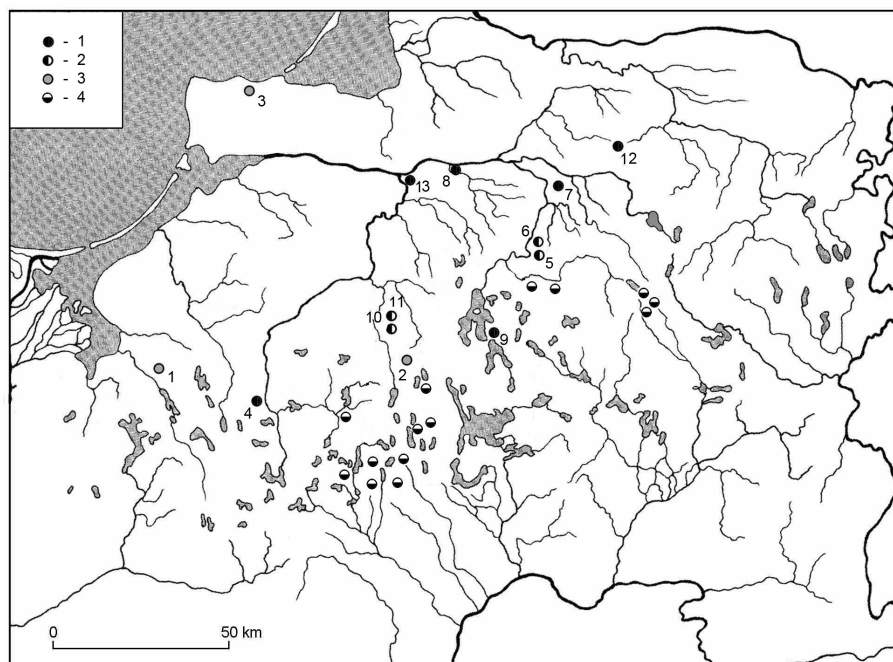

Рис. 1. Распространение находок человеческих черепов и их фрагментов на западной границе балтского мира: 1 — один или несколько черепов в водной/заболоченной среде; 2 — одна или несколько теменных костей в водной/заболоченной среде; 3 — теменная кость в земле; 4 — находки кубков на полых ножках [6, s. 20; 5, s. 553; 4, fig. 1; 4 — 19, Tabl. IX].

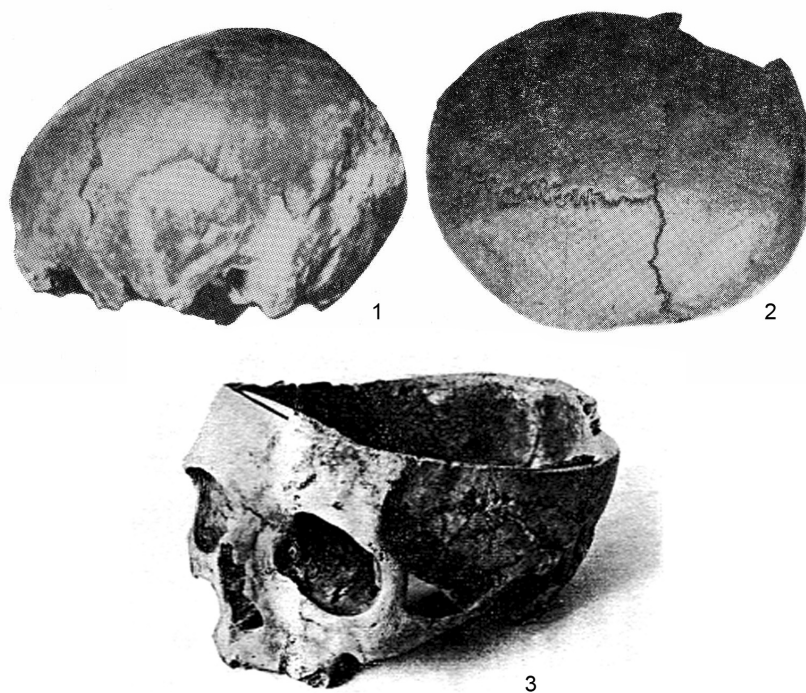

Рис. 2. Фрагменты черепов из Zedmar D / Серово (1, 2) и Bauditten / Budwity (3) [1, 2 — 20, рис. 27; 3 — 5, Abb. 11].

Kinderskelett mit seziiertem Schädel im Baumsarg Widrinnen, Kreis Rastenburg

Рис. 3. Общий вид труположения со спиленной теменной частью черепа на могильнике Widrinnen / Widryny [6, s. 2].

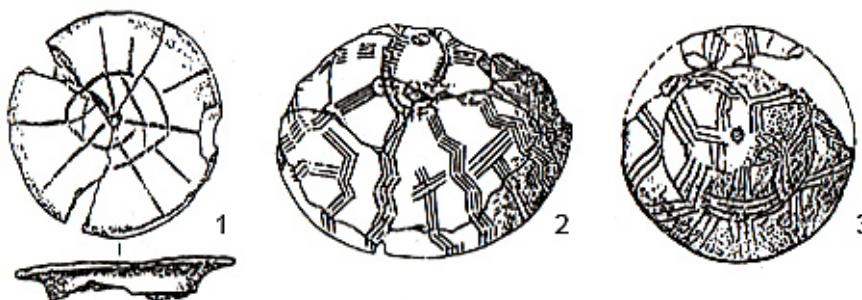

Рис. 4. Крышки урн эпохи раннего железа: 1 — Wermten/окр. Мамоново (Багратионовский р-н); 2 — Piorkowo, woj. warmińsko-mazurskie Polski; 3 — Linkau, Kr. Samland / Зеленоградский р-н [2, рис. 19: 5, 7, 8].

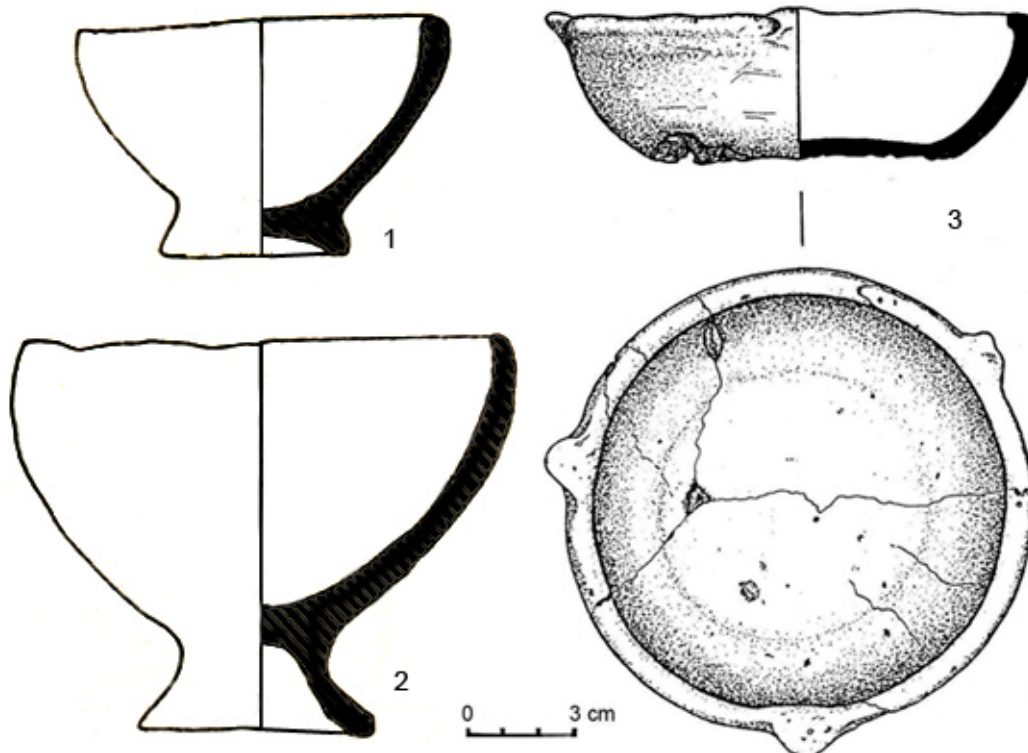

Рис. 5. Керамические кубки и чаша западных балтов римского времени: 1 — Osowa, woj. warmińsko-mazurskie Polski, кург. 45; 2 — Netta, woj. warmińsko-mazurskie Polski, погр. 26; 3 — Lauth / Б. Исаково, г. Калининград, погр. L-11C [1, 2 — 19, Tabl. X: b, c; 3 — 21].

Рис. 6. Вид с юга на частично вскрытый верхний ярус погр. У-40 грунтового могильника Yrzekapinis / Клиновка-1 (Зеленоградский р-н) (фото В.И.Кулаков). Видно стоящее на ребре бронзовое блюдо, из которого были высыпаны в могилу кальцинированные кости.

Рис. 7. Жертвенные чаши-kauszeliai в культовых церемониях позднесредневековых пруссов: 1 — жрец-вурсхайт (иллюстрация из книги Х.Малетюса, 1561 В.И.1562 гг.); 2 — благословение жрецом молодых на прусской свадьбе (иллюстрация из книги Олафа Магнуса, 1565 г.) [1, 2 — 2, рис. 20, 64].

1. Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre, Riga: Lettisch-Literärischen Gesellschaft, 1936. 673 s.
2. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.
3. Лушин В.Г. Чаши из человеческих черепов. Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 5-11.

4. Kulakov V. Water sacrifices in the country of the Prussians (a code of data) // *Slavia Antiqua*. Poznań, 2011. T. LII. P. 33-58.
5. Grenz R. Das Opfer des menschlichen Hauptes bei den Westslawen in Ost- und Mitteldeutschland // *Zeitschrift für Ostforschung*. 12 Jg. H. 3. Marburg: Verlag Herder-Institut, 1963. S. 531-554.
6. Gronau W. Ärztliche Kunst vor 1500 Jahre. Der redliche Ostpreusse. Würzburg: Rautenberg-Verlag, 1961. S. 19, 20.
7. Кулаков В.И. Типология и хронология сосудов типа Доллякайм // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 1(70). С. 170-177.
8. Кулаков В.И. Hünenberg — «Гора Великанов». Могильник III—IV вв. на севере Самбии. Światowit. Supplement Series B: Barbaricum. Warszawa, 2014. T. 10. С. 199-363.
9. Grenz R. Die Moorleichenfunde aus Ostpreußen (Ganz- und Teilfunde). Aus der Katalogisierungsarbeit // *Tolkemita-Texte. Beiträge zur Geschichte der Prußen*. Dieburg: Tolkemita, 2001. S. 55-70.
10. Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: Калининградский ПЕН-центр, 2012. 222 с.
11. Вертиенко А.В. К вопросу о смысле ритуала с человеческими черепами в ур. Царина Большого Бельского городища // *Новое прошлое*. 2017. № 4. С. 212-221.
12. Кулаков В.И. Северная Самбия: апрель 997 г. // *Краткие сообщения Института археологии РАН*. 1993. Вып. 210. С. 37-44.
13. Bitner-Wróblewska A., Wyczółkowski M. The Tornator from Galindia. Roman Period Woodturning Tools from the Cemetery at Jaskowska See / Gonschor (Now Gąsior), North-Eastern Poland // *Andrejowski J., von Carnap-Bornheim C., Cieśliński A., Kontny B. (red.), Orbis Barbarorum. Studia ad Archaeologiam Germanorum et Baltorum Temporibus Imperii Romani pertinentia* Adalberto Nowakowski dedicate. Warszawa-Schleswig: Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. P. 82-95.
14. Trotzig G. Craftsmanship and Function. A study of metal vessels found in Viking Age tombs on the island of Gotland, Sweden. Stockholm: Statens Historiska Museum, 1991. P. 278.
15. Речи Вафтруднира // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 204-208.
16. Медникова М.Б. Трепанации в Древнем мире и культ головы. М.: Алетея, 2004. 205 с.
17. Вдовченко Е.В. Сакральное и ритуал: взгляд сквозь призму археологии // *Новое прошлое*. 2017. № 4. С. 204-211.
18. Daragan M.N., Gavriš P.A. On Manifestation of the Cult of Human Skulls in the Knýšovskoe Settlement Dating from the Scythian Period // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2017. Vol. 23. P. 251-328.
19. Nowakowski W. Studia nad ceramiką zachodniobałtyjską z okresu wędrówek ludów. Problem tzw. pucharów na pustych nóżkach // *Barbaricum-1989*. Warszawa: Institut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1989. S. 101-146.
20. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk : Ossolineum, 1973. 588 s.
21. Кулаков В.И. Сосуды с налепами в древностях эстиев на материале могильника Lauth / Б.Исаково // *Slavia Antiqua*. 2013. T. LIV. С. 117-141.

References

1. Mannhardt W. Letto-Preussische Götterlehre, Riga: Lettisch-Literärischen Gesellschaft, 1936. 673 p.
2. Kulakov V.I. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia up to 1283]. Moscow, 2003. 364 p.
3. Lushin V.G. Chashi iz chelovecheskikh cherepov. Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki [Bowls made of human skulls. Ancient cults, rites, rituals: monuments and practices]. Zimovniki: Zimovnikovskiy kraevedcheskiy muzey, 2015, pp. 5-11.
4. Kulakov V. Water sacrifices in the country of the Prussians (a code of data). *Slavia Antiqua*, 2011, vol. LII, pp. 33-58.
5. Grenz R. Das Opfer des menschlichen Hauptes bei den Westslawen in Ost- und Mitteldeutschland. *Zeitschrift für Ostforschung*. 12 Jg. H. 3. Marburg, 1963, pp. 531-554.
6. Gronau W. Ärztliche Kunst vor 1500 Jahre. Der redliche Ostpreusse. Würzburg, 1961, pp. 19, 20.
7. Kulakov V.I. Tipologiya i khronologiya sosudov tipa Doll'kaym [Typology and chronology of the Dollkheim type vessels]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2021. no. 1(70), pp. 170-177.
8. Kulakov V.I. Hünenberg — “Gora Velikanov”. Mogil'nik III—IV vv. na severe Sambii [Hünenberg — “Mountain of the Giants”. Burial ground III—V centuries. AD in the north of Sambia]. Światowit. Supplement Series B: Barbaricum. Warszawa, 2014, vol. 10, pp. 199-363.
9. Grenz R. Die Moorleichenfunde aus Ostpreußen (Ganz- und Teilfunde). Aus der Katalogisierungsarbeit. Tolkemita-Texte. Beiträge zur Geschichte der Prußen. Dieburg, 2001, pp. 55-70.
10. Kulakov V.I. Nemanskiy yantarnyy put' v epokhu vikingov [The Neman Amber Route in the Epoch of Vikings]. Kaliningrad, 2012. 222 p.
11. Vertienko A.V. K voprosu o smysle rituala s chelovecheskimi cherepami v ur. Tsarina Bol'shogo Bel'skogo gorodishch [On the meaning of the ritual with human skulls in Tsarina are of Bolshoe Bel'skoye ancient settlement]. *Novoe proshloe*, 2017, no. 4, pp. 212-221.
12. Kulakov V.I. Severnaya Sambiya: aprel' 997 g. [Northern Sambia: April 997]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkeologii RAN*, 1993, iss. 210, pp. 37-44.
13. Bitner-Wróblewska A., Wyczółkowski M. The Tornator from Galindia. Roman Period Woodturning Tools from the Cemetery at Jaskowska See / Gonschor (Now Gąsior), North-Eastern Poland. Andrejowski J., von Carnap-Bornheim C., Cieśliński A., Kontny B. (red.), *Orbis Barbarorum. Studia ad Archaeologiam Germanorum et Baltorum Temporibus Imperii Romani pertinentia* Adalberto Nowakowski dedicate. Warszawa-Schleswig, 2017, pp. 82-95.
14. Trotzig G. Craftsmanship and Function. A study of metal vessels found in Viking Age tombs on the island of Gotland, Sweden. Stockholm, 1991, p. 278.
15. Rechi Vaftrudnira [Vafþrúðnismál (Vafþrúðnir's sayings)]. In: Beovul'f. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh [Beowulf. The Elder Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow, 1975, pp. 204-208.
16. Mednikova M.B. Trepanatsii v Drevnem mire i kul't golovy [Trepanations in the ancient world and a head cult]. Moscow, 2004. 205 p.
17. Vdovchenkov E.V. Sakral'noe i ritual: vzglyad skvoz' prizmu arkheologii [The Sacral and a ritual: a view through the prism of archeology]. *Novoe proshloe*, 2017, no. 4, pp. 204-211.
18. Daragan M.N., Gavriš P.A. On Manifestation of the Cult of Human Skulls in the Knýšovskoe Settlement Dating from the Scythian Period. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 2017, vol. 23, pp. 251-328.
19. Nowakowski W. Studia nad ceramiką zachodniobałtyjską z okresu wędrówek ludów. Problem tzw. pucharów na pustych nóżkach. *Barbaricum-1989*. Warszawa, 1989, pp. 101-146.
20. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1973. 588 p.
21. Kulakov V.I. Sosudy s nalepami v drevnostyakh estiev na materiale mogil'nika Lauth / B.Isakovo [Vessels with molding in Aesti's antiquities in Lauth / B.Isakovo burial ground]. *Slavia Antiqua*, 2013, vol. LIV, pp. 117-141.

Kulakov V.I. Decapitation and Prussian sacrificial bowls. The historical digression presented in the article represents the genesis of the idea of the cult bowl, originally made from the skull of the sacrificial person, then, repeating in shape and pattern parietal lobes, molded from clay, in the early Middle Ages replaced by bronze. The semantics of such a spherical container of the sacrificial (?) Drink reflects the Scandinavian legend of Mimir, which says: "... the skull of the cold Turs' became sky...". Most likely, the inhabitants of the southeastern Baltic from the Neolithic Age perceived the human skull as an analogue of the celestial firmament, through which it was possible to establish a connection between this and the Other worlds. Special attention should be paid to the fact that the population of the western edge of the Baltic world, traditionally known for the conservatism of its views in various spheres of life, used for religious purposes vessels of hemispherical shape (from the parietal lobe to the cup-kauszele) for three and a half millennia, and different social systems of society.

Keywords: South-eastern Baltic, Neolithic, Iron Age, Medieval, cult bowls.

Сведения об авторе. Владимир Иванович Кулаков — доктор исторических наук (археология — 07.00.06); Институт археологии РАН; ORCID: 0000-0001-7482-5070; drkulakov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.03.2021. Принята к публикации 10.05.2021.

Ссылка на эту статью: Кулаков В.И. Декапитация и прусские жертвенные чаши // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4(37). С. 381-388. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).381-388

For citation: Kulakov V.I. Decapitation and Prussian sacrificial bowls. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 4(37), pp. 381-388. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).381-388